

Леон Дэмьен

ИСПОВЕДЬ
БАРМАГЛОТА

12+

Леон Дэмыен
Исповедь Бармаглота

«Автор»

2020

Дэмыен Л.

Исповедь Бармаглота / Л. Дэмыен — «Автор», 2020

Воспоминания о Розовом и Голубом Детстве, посвященные моему отцу (мир праху его), дополненные его комментариями и моими комментариями к его комментариям, и дополнительные комментарии к нашей совместной жизни.

© Дэмыен Л., 2020

© Автор, 2020

Леон Дэмьен Исповедь Бармаглота

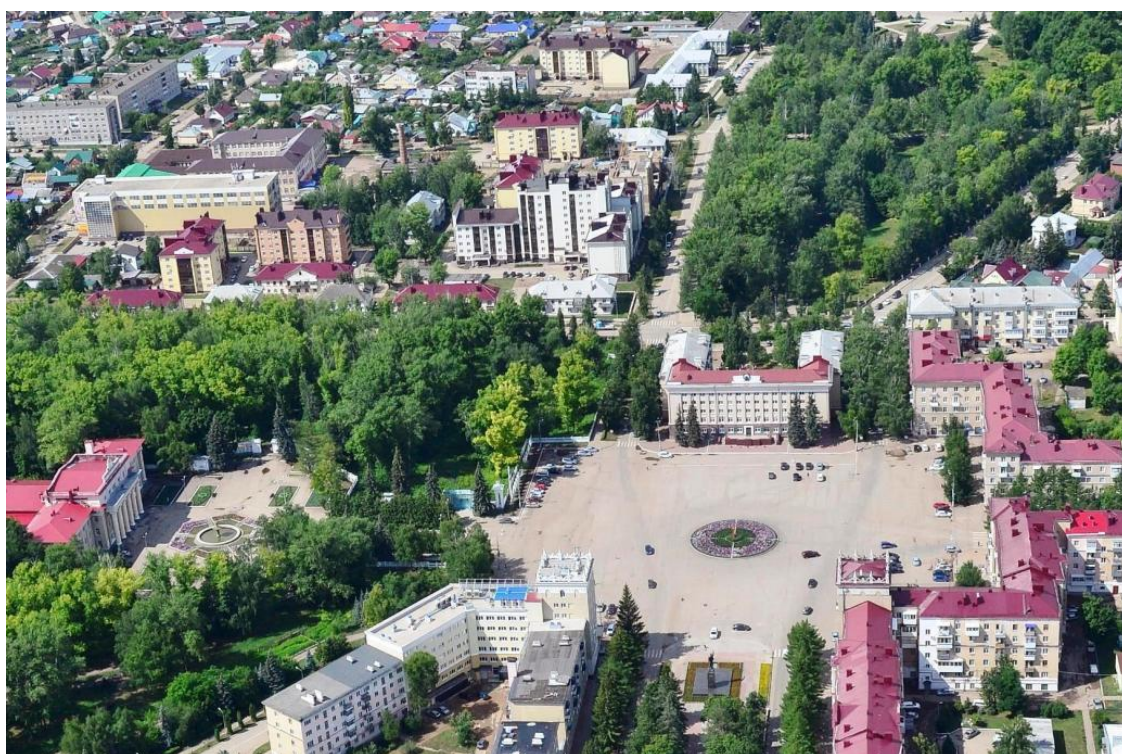
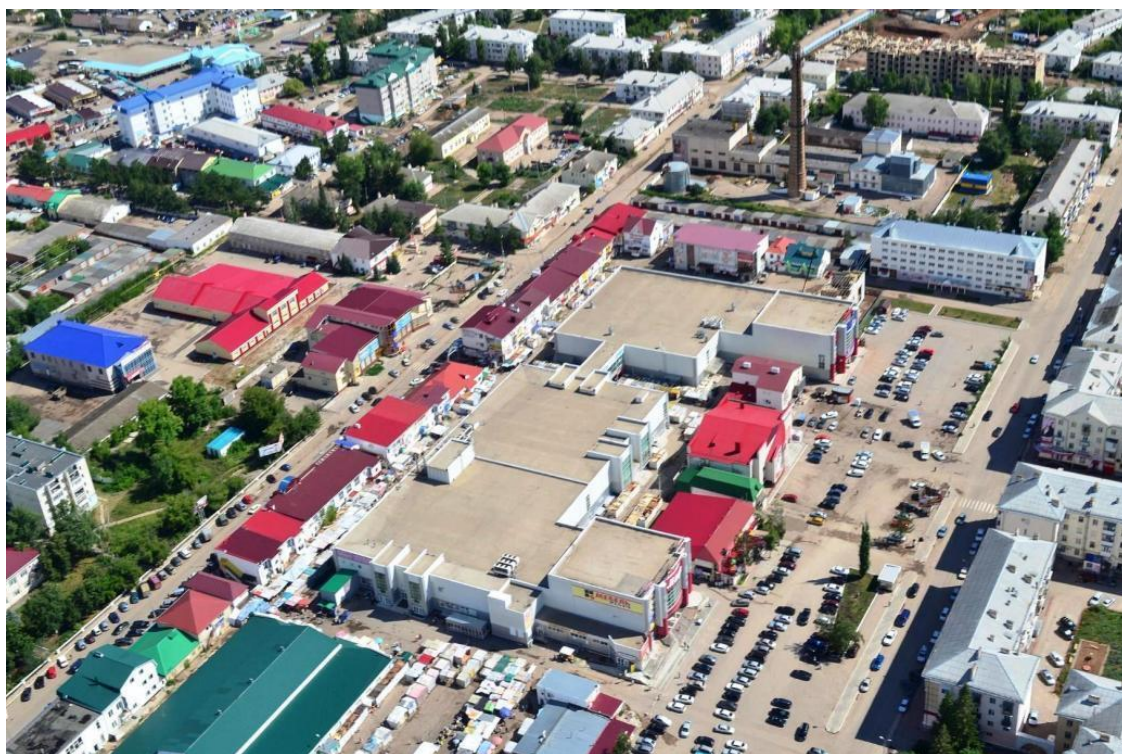
Знакомые строчки, не так ли? Ну, еще бы! Но при чем тут Бармаглот? О чем он может нам поведать? О своих встречах с Брандашмыгом? Заинтригованы? Спокойствие, вы всё узнаете, если прочитаете эту повесть до конца.

Ну а пока начнем благословясь. Итак

Башкирия, город Октябрьский, 50-70 годы прошлого века:

Книга первая
И хрюкотали зелюки

Предисловие Льва-старшего

Повесть – воспоминания моего сына Льва-младшего о своём детстве, которое получилось нервным из-за моего нестандартного развода с его неординарной мамашей. Она росла без

родителей с 10-ти лет, её семьёй стало советское общество в виде пионерской и комсомольской организации, кружков Дворца Пионеров, школы и общественной деятельности, по природе своей она являлась лидером, впитавшим советские догмы и приобретя несгибаемые убеждения с сознанием своей непогрешимой правоты. В молодости она считала, что семья – это большое советское сообщество, в котором её ребёнку хорошо везде – у бабушек с дедушками, тёток с дядями, детском саду и т.д. За первые 7 лет своей жизни Лев-младший провёл со своей матерью в общей сложности месяцев девять, причём первые 4 месяца в грудном возрасте, затем по её требованию я спросил своих родителей, не примут ли они его в нашу семью в г. Октябрьском Башкирской АССР, поскольку ей нужно было готовить и защищать дипломную работу, а брат академический отпуск она даже и не думала. Мама и бабушки ответили «возьмём без разговоров», вот его и лишили материнского молока и главного человека в жизни грудного малыша. Когда же ему исполнилось 2 с половиной года, мама написала мне, что у малыша появляется характер, ему позарез нужны родители, забирайте его в Москву. Львиная мамаша была против, говоря, что ему там, в большой любящей семье гораздо лучше, но тут я её уже не слушал, поехал в Октябрьский, привёз Львёнка к нам в общежитие главного здания МГУ (к этому времени она защитила диплом и я, занявшись серьёзно – по её же просьбе – её распределением в качестве молодого специалиста, нашёл ей место главного технолога Полупроводникового завода в подмосковном Томилино, с пропиской и жильём, но она предпочитала жить у меня в комнате в МГУ, уезжая на работу в 7 утра и возвращаясь к полуночи, потому что, как обычно, после работы окуналась в общественную жизнь). Я немедленно получил место в университетском детском саду в Доме Преподавателей (три остановки на автобусе от Главного Здания), потому что сам в это время делал дипломную работу в нашей старой университетской обсерватории на Красной Пресне, проводя там полный рабочий день. Львёнка я отвозил к 8-ми в детский сад, забирал его в 5 вечера, после чего он становился до ночи нашим курсовым ребёнком, ребята играли с ним в футбол, девчонки играли в игрушки и угощали всяческими домашними вкусностями. Через год мы уехали на работу за границу, куда я сумел прорваться сам и пробить мамашу Львёнка в качестве специалиста тоже, поэтому его снова отвезли в Октябрьский ещё на 3 года. Вернувшись из Африки, мы оформили в Октябрьском наш развод, и на суде она сама сказала, что оставляет сына в семье бывшего мужа, пока не устроит свою дальнейшую судьбу. Вот так он остался ещё на 4 года у моих близких, потом я забрал его снова к себе в главное здание МГУ, где жил, учась в аспирантуре. Когда она начала борьбу за сына (у нас была два суда в течение года, в промежутке между ними скончалась моя бабушка Лида, которая выкормила и вырастила Львёнка: мама работала), я был убеждён, что это в первую очередь из принципа – ведь общество её негласно осудило за оставление ребёнка, подружки по МГУ недоумевали, а чебоксарская родня в озверении подзуживала – и очень боялся, что, получив его, она не станет заниматься им, как не делала этого и раньше. Только поэтому я встал в жёсткую оппозицию, иначе сразу бы согласился, чтобы он жил с ней. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, но он остался со мной и с тех пор я не только не препятствовал ему постоянно с ней общаться, но вытаскивал его на все большие и малые школьные и студенческие каникулы к ней, пока он не построил свою взрослую жизнь. Характерный пример: когда его мамаша поняла, что Львёнок окончательно остался со мной в Москве, она наврала всем чебоксарским родственникам, будто он всё же переехал к ней в Питер и живёт там, а ко мне ездит только в гости. Но любая ложь со временем выплывает наружу, именно так случайно и произошло через несколько лет. Тем не менее, я рад, что у него есть мать, с которой всю жизнь у него прекрасные отношения. Но эта детская травма, конечно, повлияла на него сильно, учитывая к тому же, что мой тяжёлый характер и желание видеть его порядочным человеком, наложили отпечаток на его воспитание и формирование как личность. По задумке воспоминания – о его детстве, а по сути он написал обо мне, хотя в силу возраста не знал многих фактов и интерпретировал то, что знал, на свой манер. Я сделал определённые примечания

к этой повести, чтобы читателю (видимо, потомкам) был яснее смысл и причины некоторых происходивших событий. Самое главное – он вырос хорошим и добрым человеком.

Лев-старший

ПРОЛОГ

Привет, ребята! Самое главное – это начать, как говаривал мой Батюшка. Кстати, о Батюшке. Не так давно (а точнее, в прошлую пятницу, а сегодня среда – вот и считайте) на 63-м году жизни ему отхватили три четверти желудка, т.е. вырезали язву 12-перстной кишки. Надо же! Сорок пять лет она его грызла, приступы продолжались с завидной периодичностью каждый год, весной и осенью (кстати, эту болезнь он «подарил» мне в наследство, но меня обострения мучили в 17-20 лет, не такие сильные и в основном летом, а потом потихоньку сошли на нет – и язва зарубцевалась, тьфу-тьфу!), а в последнее время все сильнее и продолжительней; но по совету своего младшего брата-медика с операцией он не спешил, тянул до последнего, ибо каждому овощу свой черед. И вот три недели назад его так круто прихватило, что пришлось вызывать «скорую», везти бедолагу в больницу и т.д. Такие дела.

Однако я отвлекся. При чем тут Батюшка, я ведь собрался писать повесть не о нем, а о своем детстве, если вы еще не поняли. И как я уже упоминал, главное – это начать. Задумка у меня возникла еще месяца два назад (после того, как сам не знаю, почему перечитал «Детство» Горького), да никак не мог приступить: то бесконечно исправлял вкладыши для своих магнитоальбомов, то подоснову для жены раскрашивал, то избранные песни печатал, то еще что-нибудь... К тому же я стараюсь сидеть за компьютером не более четырех часов в день – глаза надо беречь. Наконец, в одно не очень прекрасное (потому что небывало холодное для середины мая) утро я решил, открыл новый файл и... напечатал «Привет, ребята!». О чем писать дальше, я понятия не имел, однако... собрался с мыслями, почесал в затылке – и начал! Потому что это – главное (см. выше).

Так, опять я отвлекся. Впрочем, таков мой стиль (если в данном случае вообще можно говорить о существовании какого-то стиля, ибо писатель из меня как из дырявого сапога – дуршлаг), я никогда не продумываю текст заранее, а пишу все, что в голову взбредет, постоянно уклоняясь от основной темы. Да это и не важно, ведь я пишу эту повесть только для себя, совершенно не рассчитывая на то, что когда-нибудь кто-нибудь рискнет ее издать. В самом деле, кому это интересно? Читать воспоминания о розовом детстве какого-то никому не известного «Васи», человека не выдающегося и ничем не примечательного, обыкновенного обывателя, прожившего обычную серую жизнь – кому это надо? Хотя, если подумать, моя судьба была достаточно неординарна, было много яркого и интересного, а уж детство было просто «сказочным». Потому я и взялся за перо (в данном случае, сел за клавиатуру), что с годами воспоминания тускнеют и стираются из памяти – а мне так не хочется забывать те золотые времена. Э-эх, годы, годы...

И какой же вывод следует из всей этой бодяги, может спросить докучливый читатель? Э-э, по-о-дождите, не-е спешите! Это все *преамбула*, а вот когда начнется *амбула* (изящный плагиат, не правда ли?) – тогда все вопросы выскочат из ваших бестолковых голов как пробка из бутылки Шампуня!

Ладно, действительно пора заканчивать это Вступление, и так уже второй день сижу, мозги напрягаю (аж голова заболела – правда, вчера вечером жена пивком побаловала – нет, стойте, пиво мы пили еще в понедельник /суббота не в счет, само собой, тут без баллона «Медового» не обойтись/ – а вчера я днем разливного хлебнул кружечку /вспомнил молодость/, а вечером... впрочем, неважно); а дело продвигается очень медленно. Но раз уж взялся за гуж – куда деваться? И хоть я не перестаю повторять, что писатель я липовый – давно пора начинать (ведь это главное, верно?) мою правдивую Повесть о безоблачном Детстве...

Итак, начать придется все же с моего Батюшки. Уж не знаю, как так случилось,¹ но родился он в городе Рыбинске, где до войны жили его родители. Моя бабушка, Ирина Антоновична (в дальнейшем я буду называть ее Баба Ира) вскоре развелась с мужем² и вновь вышла замуж за человека³, которого по странному (и такое бывает) стечению обстоятельств, звали Иван Антонович (далее – Дед). После войны⁴ они переехали в Башкирию, в город Октябрьский – один из многочисленных только что построенных центров добычи нефти и газа. А так как оба они были геодезистами, то их с удовольствием взяли на преподавательскую работу в Нефтяной техникум⁵ – самое «крутое» учебное заведение города. Там они и проработали до пенсии. В конце 40-х у них родились дети: сначала Антон, потом Маша; и Батюшка оказался в положении ненужного для Деда пасынка.

Наши деды были арестованы ЧК, посажены в тюрьму, затем выпущены без права жить в крупных городах, вот и прибились к родне в Рыбинск (см. семейную хронику), затем моего деда снова арестовали и в 1933 году убили в концлагере. В 1957 году его с братом реабилитировали.

В 1937 году, сразу после моего рождения, будучи 19-летней мамой.

В 1947 году, это был уже её третий брак, а у него первый в сорокалетнем возрасте.

В Башкирию переехали в 1953 из Брянска, до Брянска работали в геодезической конторе в Петрозаводске (1948-1951), окончив Московский Институт Инженеров Землеустройства.

В техникуме работала мама, а дед – в геодезической конторе треста Башзападнефтегазведка, начальником которой он вскоре стал, выйдя с этой должности на пенсию.

Надо отметить, что Дед обладал весьма ехидным и желчным характером, любил недобро пошутить и попрекнуть куском хлеба, но и Батюшка тоже за словом в карман не лез – короче, подробностей я не знаю, но, по словам Батюшки к концу 10-го класса Дед его настолько «достал», что после выпускных экзаменов он «вылетел из родительского гнезда как пробка». Ему было все равно куда ехать – лишь бы уехать. И занесло его аж в Питер, в Мореходное училище,¹ что кажется теперь просто невероятным, учитывая свобо-долюбивый характер моего родителя. Понятное дело, не прошло и года, как батяня осознал, что занесло его явно не туда, и он начал предпринимать героические попытки «сос-кочить». Недолго думая, он решил закусить на язву, разыгрывал прилюдно острые прис-тупы, добился обследования; а перед рентгеном проглотил кусок сырого мяса на ниточке, привязанной к зубу – а поскольку гастроскопию тогда еще не применяли, то врачи просто встали на уши! Впрочем, язва-то у него оказалась самая настоящая, и комиссовали папаню вчистую без всяких там волчьих билетов и прочих «прелестей». Батюшка вздохнул свободно, однако ребром встал вопрос: а что же дальше? И тут он отколол еще более невероятный фортель.

А именно: собрал он пожитки да и рванул в Москву. И напрямик в МГУ. А поскольку уже заканчивался август, и вступительные экзамены были позади, то он пошел прямо к ректору и так запудрил ему мозги, что тот совершенно обалдел и разрешил сдать Батюшке экзамены «экстерном» – и Батюшка так лихо это сделал, что его приняли сразу аж на второй курс!!! Во как! Кому расскажешь – не поверит. Однако, так оно и было (кто не поверил – спросите у Батюшки)².

Ну, и началась учеба и веселая студенческая жизнь. Время было хорошее, конец 50-х, «оттепель», фестиваль молодежи, дешевые пивные на каждом углу и т.д., но поскольку подробностей я не знаю – то буду краток. Вскоре Батюшка познакомился с моей будущей матушкой (что было не так уж сложно, ибо она как уроженка Чебоксар тоже жила в общежитии), через некоторое время они поженились – а тут и я родился! Все по правилам! И свои первые четыре месяца я провел в Доме Студента, как официально называется здание со шпилем на Воробьевых горах. А потом, недолго думая меня сплывили в Октябрьский – надо было заканчивать учебу, куда деваться. С этого, собственно, и начинается мое Розовое Детство, отдельные эпизоды которого я вспоминаю лет с пяти или чуть пораньше. Хотя самое первое воспоминание

у меня связано с Москвой: будто бы мы с Батюшкой гуляем по территории МГУ, и он высоко подкидывает небольшой мячик, тот падает и катится вниз по зеленому склону – эпизод буквально секундный, ведь было мне тогда всего...³

В секретное Высшее Инженерное Училище Военно-Морского Флота СССР.

Не совсем так (см. мой рассказ «Как я поступил в МГУ»).

Два с половиной года.

Но вернемся в Октябрьский. Дед с Бабой Ирой получили огромную трехкомнатную квартиру в пятиэтажном «сталинском» доме в центре города. Впрочем, огромной она мне казалась тогда, когда я сам был маленьким, а позже я осознал, что это обычная «рас-пашонка». Две комнаты средних размеров, третья – смежно-проходная – поменьше, длинный и не особо широкий коридор буквой «Г», упирающийся в небольшую кухню, раздельный санузел – все достаточно просто, но что ценно: толстые кирпичные стены и перегородки (слышимость почти нулевая, не то, что в нынешних коробках), высокие потолки (тот пятиэтажный дом по высоте равен современной девятиэтажке), кладовка, два встроенных шкафа вдоль коридора и наличие стенового кухонного «морозильника».

Что это такое, спросите вы? Поясняю. Стена под окном от пола до подоконника – полая, оставлена лишь стенка в один кирпич со стороны улицы и в ней просверлено отверстие, а из кухни – дверцы и полки внутри. Вот тебе и морозильник! Естественно зимой, когда мороз. Да и летом там спокойно можно держать всякие соленья-варенья. Но хватало и недостатков.

Во-первых, стены были просто оштукатурены и до середины высоты покрашены масляной краской (а кто и когда изобрел обои, вы не знаете?); во-вторых, пол был не паркетный и не линолеумный, а обычный дощатый и местами скрипел; в-третьих, не было горячей воды, а громоздкая газовая колонка висела над ванной, поэтому помыться проблем не было, а вот для мытья посуды воду приходилось греть в чайнике. И, в-чет-вертых, в доме не было лифта. Зато был полуподвал, состоящий из системы коридоров и кладовых – по одной на каждую квартиру. По-моему, идея замечательная! Ну, где еще можно квасить капусту, солить огурцы, хранить картошку и т.п.? Нет, подвал – это вещь незаменимая (конечно, если не живешь в деревенском доме с погребом). Ну и поскольку крыша была не плоская, а двускатная, то и чердак имелся в наличии, где некоторые хозяйки сушили белье. Но и во дворе это можно было делать совершенно спокойно, ибо в те времена никому и в голову не могло бы придти, что кто-нибудь попытается это белье украсть.

Семья у нас была довольно большая: Дед, Антон, Маша, Баба Ира, ее матушка Баба Лида и бабушка Баба Аня, которая мне приходилась аж прапрабабушкой. Ей уже перевалило за 90, и целыми днями она сидела в кресле, одетая в старинный халат и капор, изредка вставая и мелкими-мелкими шажками, опираясь на палку да держась за стенку, доходила до туалета и обратно. Мне было года 3-4,¹ когда она умерла, но я ее помню. Мы с бабой Лидой жили вместе с ней в дальней комнате, выходящей окнами во двор, большую часть которой занимали две огромные старинные кровати, садиться на которые днем не разрешалось никому кроме меня (но я в основном прыгал на них как на батуте); Дед и баба Ира обитали в проходной комнате (там кроме кроватей стояли стол и книжный шкаф); а Антон с Машей жили в гостиной (хотя возможно кто-то из них ночевал в нашей комнате, ибо в гостиной стоял только один раскладной диван, кроме двух столов и второго шкафа).

Так мы и жили, а когда мне исполнилось два² года, Батюшка с Матушкой благополучно закончили МГУ и на три года умотали в Африку – учить негров грамоте. Как им так подфартило, не знаю до сих пор,³ ведь для этого надо было изучить французский язык почти в совершенстве. Впрочем, они и английским владели достаточно хорошо (а я не могу выучить до сих пор). Воспитывала меня в основном баба Лида (поскольку была на пенсии), кормила-поила, одевала-обувала и водила гулять, а иногда и порола ремнем за какие-нибудь провинности.

Впрочем, гулять ей помогали все обитатели нашего двора и делали они это с большим удовольствием. Надо отметить, что в те времена люди были совсем другими и жили по-иному, особенно в провинции. Это сейчас мы едва ли знаем ближайших соседей по лестничной площадке, да и то в лицо, а не по имени; а уж кто живет на других этажах или в других подъездах (я уж не говорю про соседние дома) – понятия не имеем, а самое главное, что и не хотим никого знать.

1. Пять лет, моя прабабушка Аня каждый день на ночь читала ему сказки, как когда-то мне.

2. Три с половиной года.

3. См. мой рассказ «Как я попал в Африку» или первую главу моей повести «Ах, эта Африка!».

А в маленьком Октябрьском с населением в 100 тысяч обитатели одного двора хорошо знали друг друга, и не только знали, но дружили и общались, и ходили в гости, по делу и просто так, за солью и за хлебом; предварительно звонить было не принято (впрочем, телефонов тогда было очень мало, в нашем доме они стояли, может быть, в двух-трех квартирах, включая нашу); многие днем даже не закрывали на замок входные двери, подвалы и чердаки никогда не запирались, потому что ни жуликов, ни бомжей просто не было. Нет, жулики и воры существовали, конечно, во все времена, но ни одной квартирной кражи в нашем районе я не припомню. А убийства и драки были, но об этом – позже.

Естественно, народ кучковался по группам: автолюбители, пенсионеры, домохозяйки, молодежь и т.д., но все равно существовала какая-то незримая единая субстанция, которую можно было назвать «*наш двор*». И каждый квартал или группа кварталов имели свое неофициальное название, но прежних вражды и соперничества как в 40-50-х между ними уже не существовало, и такие фразы как «ты в наш двор не ходи» или «по нашей улице не проходи» мне пришлось услышать лишь пару-тройку раз, да и то гораздо позже. А пока я был маленьким, дальше нашего двора меня и не выпускали; а когда я подрос и мог гулять самостоятельно, то бдительная баба Лида сидела у окна и внимательно следила за тем, чтобы я никуда не убежал; а я периодически подбегал под окно и кричал: «Бабуля! Кинь мячик!» или «Вынеси велосипед!»; а она звала меня домой, высовываясь в форточку.

Воспоминание. Мне – лет пять, а Батюшка, только что вернувшийся из Африки, привез мне в подарок такую игру: три попугая сидят на жердочке, и их можно сбивать, стреляя из игрушечного пистолета короткой стрелкой с липучкой. Помню, вся семья собралась за большим столом в гостиной, Батюшка достал попугаев и поставил их на край стола (а напротив меня сидели Дед и Маша), и я уж зарядил пистолет, но тут Маша как бы в шутку сказала: «Ты только Деду в глаз не засвети!», все посмеялись, но Баба Ира вдруг спохватилась: «А вдруг и правда засветит? Иди-ка ты в другую комнату!» И меня вместе с попугаями переплавили в соседнюю комнату, где я и начал тренироваться в стрельбе. Тогда я еще не соображал, как правильно надо целиться, держал пистолет на уровне живота, согнув руку в локте, и никак не мог понять, почему стрела летит гораздо выше. Позднее я приноровился и стрелял без промаха, но попугаи мне постепенно наскучили, и со временем куда-то растерялись, и я с удовольствием стрелял куда попало: в стены, двери, кота Борьку и т.п. – естественно, когда никто не видел.

2

Октябрьский – город уникальный по своей планировке. Он и расположен весьма оригинально, на правом берегу речки Ик (небось, и не слыхивали о такой?), которая впадает в Каму, и по которой проходит граница между Башкирией и Татарией. То есть город-то башкирский, но татар в нем живет гораздо больше, как мне кажется. По крайней мере, в нашем классе татары составляли процентов 70-80, я это узнал совершенно случайно, когда мне в руки попал классный журнал. Для русского человека что татары, что башкиры – все едино, и имена и рожи у них совершенно одинаковые; а я никогда не интересовался, кто есть кто из моих друзей-приятелей.

Да это и не важно было, в те времена все жили мирно и дружно, не было никаких разногласий на национальной почве, никакого землячества, никаких косых взглядов и намеков; и даже в драке ни один из соперников не позволили бы себе обозвать другого «татарской мордой» или «гребаным русским».

Еще одна особенность реки Ик – то, что она служит границей так называемых часовых поясов. То есть в Татарстане время московское, а в Башкирии – местное, два часа прибавляется. Из-за этой разницы мост через Ик – сооружение длиной едва ли 30 метров – в шутку называют «самым длинным мостом в Мире», ибо еслиходишь на него с татарской стороны, к примеру, в пять часов, перешел на ту сторону – уже семь! Два часа идешь, получается – вот какой мост! А на самом деле это было выгодно и удобно только для алкашей, которые после семи часов (если вы помните, водку тогда продавали до семи) имели возможность смотаться на ту сторону и приобрести желаемую влагу в ближайшем населенном пункте. Таких личностей называли «антисемитами», но существовала ли такая практика на самом деле, или это всего лишь хохма – я не знаю. Но то, что дорога в Татарии сразу за мостом становилась уже и хуже – это факт, известный всем автомобилистам.

Если быть точным, то город моего детства нельзя назвать речным городом, живописно раскинувшимся на крутом зеленом берегу (как, к примеру, Ярославль), и сам Ик – речка мелкая и узкая; и до первых домов от моста нужно идти минут десять, мимо деревни (ее жителей называли «иковские»), мимо роши и мимо небольшого, но чистого озера под названием Котлован, куда все ходили загорать и купаться. Тут и начинается город, сначала новый микрорайон с Дворцом пионеров, построенным в начале 60-х; потом квартал детсадов и яслей, расположенных по обе стороны длинного узкого парка (по-моему, он называется Парк Победы, но мы в нем никогда не гуляли). Парк упирается в задницу самого большого и монументального здания в городе – Горсовета, фасад которого выходит на главную городскую площадь, в центре которой зимой ставили огромную искусственную елку и строили ледяные крепости. Но центральным ядром Октябрьского все же считается не площадь, а проспект Ленина, начинающийся от площади и спланированный в виде широкого бульвара, завершаемого другой площадью поменьше. В начале проспекта, напротив Горсовета и лицом к нему стоит внушительный гранитный памятник дорогому Ильичу, естественно в кепке и с протянутой рукой. С левой стороны площади (если встать лицом к Ленину) здания стоят полукругом, в них расположены почта, телеграф, еще что-то, а дальше длинная улица идет на север, пересекая еще одну площадь, на которой стоит спортивный центр с бассейном (за которым, в свою очередь, начинается Центральный Парк с качелями-каруселями и чертовым колесом), выходя к заводам и фабрикам, которые почти вплотную примыкают к предгорьям южного Урала. И где-то в этом районе находится стадион, но т.к. на нем я был всего один раз и очень давно, то точнее его расположение указать не могу.

Справа от площади разбит небольшой сквер, ведущий к еще одному солидному сооружению с колоннами в стиле сталинского ампира – так называемому Дому Техники. Почему он так называется, я не знаю до сих пор, но его ядро составлял концертный зал (помнится, я был там всего на одном концерте местной самодеятельности, хотя вокруг здания ходил миллион раз). А за Домом начинается еще один парк, наш любимый, который мы почему-то называли просто «Поляной» и ходили в него с удовольствием. Угловые дома по обеим сторонам площади завершаются красивыми башенками, а в том, что ближе к Дому Техники, расположен самый крупный городской ресторан «Девон», размером с небольшую московскую забегаловку.

На проспекте стоят самые высокие пятиэтажки, длиной чуть ли не с квартал, примерно посередине его пересекает ул. Лермонтова, южная часть которой выходит к главному входу на Поляну, а северная упирается в рыночные ворота; вторая небольшая площадь образуется на перекрестке с ул. Губкина, свернув по которой налево, приходишь к Автовокзалу. На площади угловые дома не полукруглые, но украшены такими же башенками, в них находятся ателье мод,

хозяйственный и большой спортивный магазины; а дальше проспект становится обычной улицей, но не утрачивает своего центрального значения, ибо следующая пересекающая его улица спланирована в виде большого полукруга, дуги которого начинается от ул. Губкина (одна от Автовокзала, другая – от ворот моего детсада); а еще через квартал его дублирует второй, еще более широкий полукруг, хвосты которого выходят уже на окраины города. И этот перекресток образует еще одну площадь, на которой расположен ЗАГС.

Далее по проспекту этажность домов уменьшается, только по левую сторону в начале 70-х выстроили новый микрорайон №50 из нескольких пятиэтажек, а направо и наискосок улица ведет к 25-му микрорайону, тоже более современному. Ну а если продолжать идти по проспекту Ленина, то через 2 или 3 квартала с левой стороны и будет стоять знаменитый Нефтяной техникум. И это уже считалось западной окраиной города, дальше расположен только комплекс больницы с санэпидемстанцией, а за ним – поворот направо к кладбищу. Это казалось так далеко – на автобусе надо было ехать, что ты! Кстати, на автобусе я не ездил никогда и поэтому не могу точно вспомнить, сколько маршрутов мог тогда позволить себе наш городской бюджет: определенно был один, ходящий по проспекту от центральной площади до кладбища (по-моему, и сам автобус-то был «одна штука», ибо ездил он с интервалом не меньше часа), но возможность наличия еще одного, доезжающего по Губкина до Вахтовой, я не исключаю. Сам же Автовокзал вполне оправдывал свое назначение: довольно много маршрутов возили людей в окрестные деревни, поселки и на заводы, включая такие важные «центры» как Туймазы и Уруссу, где находились железнодорожные станции. И конечно же, более комфортабельные «Икарусы» регулярно отправлялись в столицу автономии Уфу (200 км. – 4 часа езды, не хухры-мухры) и в Аэропорт, расположенный, как ни странно, совсем недалеко от города, так что летать из Москвы на самолете было гораздо быстрее и удобнее, чем на поезде – и не намного дороже по тем временам (самолет-то АН-24, «этажерка»).

Кстати, в Уфе проживали две родные сестры Деда, тетя Лида и тетя Вера (для простоты их все называли Тетушками), и один или пару раз я у них бывал (почему-то очень яркое воспоминание: мы сидим на кухне и наворачиваем обалденно вкусные малюсенькие сосисочки – больше таких я не пробовал нигде), но ездили мы туда скорее всего на бабушкиной машине, ибо путешествие на автобусе я бы запомнил. А на самолете летать приходилось, но об этом позже.

Сразу за Поляной, на противоположной от центрального входа стороне (а значит, в черте города), расположен так называемый Зеленый поселок с обычной одноэтажной деревянной застройкой; такие же деревянные дома стоят по улице, идущей от ворот моего детского сада к 18-му микрорайону, застроенному «хрущевками»; далее опять поселок – и дорога упирается в ворота колхозного Сада. Этот Сад представляет собой обширную территорию, разбитую на участки по шесть соток, но никаких дач или домиков на них строить не разрешалось. Только огород. Но небольшая будка для инвентаря и мелких хозяйственных нужд, конечно, имела место быть. Кстати, на нашем участке, как впрочем и на других, вызревали отличные сладкие помидоры без всяких там парников (что значит – континентальный климат!), но меня в то время мало волновали грядки с овощами (хотя всю зиму мы ели свою картошку с квашеной капустой), потому что я с удовольствием играл в «саранчу», с завидным аппетитом наворачивая клубнику, малину, вишню и многочисленные сорта смородины. Но самое ценное наше приобретение – это гигантская развесистая «ранетка», растущая напротив будки в центре участка. Яблочки на ней вырастали небольшие, продолговатой формы (как сливы) и темно-красного цвета – но такие вкусные, что ум отъешь! Терпкие, кисло-сладкие, сочные, с неповторимым ароматом – я просто балдел! И каждый год их было так много, что, бывало, смотришь на яблоню и не поймешь – красная она или зеленая, чего на ней больше: яблочек или листьев. Я уплетал эти ранетки за обе щеки, а Дед чего только из них не делал: и варенье, и сок, и домашнее вино – и все равно казалось, что конца им не будет. К концу лета я их уже не ел, а просто

заталкивал в рот целиком, жевал, пил сок, а потом выплевывал мякоть с косточками. Ох, и вкуснотища была! И что примечательно: таких яблочек я не видел больше нигде, ни в садах, ни на рынках, и до сих пор я жалею, что несколько лет назад нашу уникальную «ранетку» спилили – то ли она засохла, то ли просто отжила свой век. Кроме нее на нашем огороде росла пара яблонь с обычными яблоками (я их и не ел почти) да еще одна белая «ранетка», почти такая же вкусная, но плодоносила она очень мало и редко (к тому же и сама яблонька была с гулькин нос); и только один раз за много лет все получилось наоборот: на красной яблоне плодов почти не уродилось, а белая вдруг выдала по полной программе – и уж тогда я наелся от пуза.

3

Наш дом стоит в самом центре проспекта Ленина, с правой стороны, если идти от памятника. Как я уже упоминал, он представляет собой длинную кирпичную пятиэтажку, метра на три от земли облицованную рустом, но есть в нем одна особенность: посередине в него встроены кинотеатр «Фонтан». Именно встроены, а не пристроены, он занимает три первых этажа, огромное фойе и два зала по бокам тянутся поперек здания и выносятся в наш двор в виде двадцатиметровой полукруглой пристройки. Вернее, стены плоские, а торец полукруглый. А так как в этих стенах есть только полуподвальные окна из художественной мастерской да пара окон под крышей из кинобудки, то «свою» стену мы использовали как могли: то пинали в нее мячик, то ходили по узкому карнизу, тянущемуся по всему периметру на полутораметровой высоте, а то швыряли шурупом с навинченной гайкой, начиненной серой от спичек – при удачном попадании эта «бомба» оглушительно взрывалась, а гайка с шурупами со свистом разлетались в разные стороны. А Батюшка с удовольствием ставил в углу свою машину, когда приезжал домой. Вход в «Фонтан», естественно, со стороны бульвара. И всех жителей нашего дома (и меня в том числе) называли «фонтановскими». Вот мне была лафа: вышел из подъезда, обошел дом – и в кино! Ну, ближе просто некуда. И билет стоил 20 копеек. Правда, на Губкина (по дороге к Вахтовой) находится детский к/т «Пионер», где билеты стоили 10 копеек, но и крутили там только мультики или детские фильмы. Я и туда ходил, но в самом раннем детстве, еще вместе с бабой Лидой. И еще «восьмое чудо света»: в фойе «Фонтана» стоял огромный телевизор с диагональю – боюсь соврать – ну, метра два (правда, черно-белый), крутили по нему всякие «Новости дня» и т. п. Такого я больше не видел нигде. Кстати, напротив входа в к/т, в середине сквера находится настоящий фонтан, и в летнюю жару детишки в нем с удовольствием плескались.

На пересечении проспекта и первого уличного полукруга стоит массивный ДК Строителей с киноконцертным залом, но туда мы почти не ходили – что ты, далеко! Еще один кинотеатр «Комсомольский» расположен с левой стороны забора, окружающего Поляну, недалеко от входа, и туда мы иногда заходили; а в ДК Нефтяников, стоящим аж за рынком и даже ближе к комплексу гаражей (а за ним уже начинаются предгорья) я не ходил никогда. Хотя в гараж ходил с удовольствием.

Воспоминание. Мне – лет семь, я сижу в комнате, вдруг входит Антон и с хитрым видом манит меня пальцем. Я иду за ним, мы выходим на улицу, он таинственно молчит, но я сообщаю, что мы идем в гараж. А надо сказать, что Батюшка в это время находился в Москве, а машину оставлял в Октябрьском, но Антону ездить не разрешал, поскольку прав у него не было, хотя водить он умел кое-как.¹ Но Антон – не пай-мальчик, нашел ключи от машины и гаража – и решил прокатиться, и меня прихватить. Ну, мы сели и поехали куда-то в горы, подальше от ментов. Петляли там, петляли, Антоша разогнался на пустой дороге – да и чуть не скувырнулся в пропасть, его развернуло – еле успел ручником тормознуть! Самое интересное, что никакого страха я в тот миг не испытал, и только гораздо позже до меня дошло, что мы могли элементарно разбиться – и не читал бы тогда ты, мой читатель, эти воспоминания о Золотом Детстве, ибо все детство на этом бы и закончилось. Позже, когда мы с Батюшкой

переехали в Москву, он свой старенький «Москвич» оставил Антону в полное распоряжение, и тот рассекал на нем еще много-много лет.

1. Антонюка лично я посадил за руль своей машины и научил ездить на ней.

Двор наш тоже в своем роде уникален. Сама площадка с беседкой, песочницей, бревном, столбами для бельевых веревок и т.п. с одной стороны ограничивается стеной «Фонтана», с другой – П-образным угловым домом, а с третьей к ней примыкает школьный двор, со-стоящий из огромного футбольного поля. А школа № 2 стоит в глубине, фасадом выходя на улицу, идущую мимо ворот «Поляны» к центральной площади и ресторану «Девон». В эту школу ходили и Антон и Маша после восьмого класса, а до этого они посещали школу № 15 – восьмилетку. Я до сих помню, как Тошка бегал по утрам в лютый мороз без шапки и без пальто, в одном пиджаке через двор напрямик – так это было близко. Зимой на поле ставили хоккейную коробку, заливали водой, и мы катались по льду еще на старинных коньках, нацепленных на валенки. Но почему-то никто никогда не играл на этом поле ни в футбол ни в хоккей. Школьный двор был отгорожен железобетонным забором, который потихоньку ломался, и к 80-м годам от него не осталось ничего. А баскетбольные щиты стоят до сих пор, ничего им не делается. Соседний двор (с другой стороны «Фонтана») абсолютно симметричен нашему, в угловом доме находится аптека, а торцом к нему стоит дом, в котором позже жили переехавшие из Уфы Тетушки. Тоже близко. Пройдя между этими двумя домами на ул. Губкина и перейдя ее, можно попасть во двор, граничащий с моим детским садом – таким путем я в него и ходил. В этом же доме расположен знаменитый магазин под названием «Мясо–молоко», но все его называли просто «Молочный», потому что мяса там не было никогда. Как сейчас помню: заходишь, справа – молочный отдел, где есть все: молоко (всегда разливное по 24 копейки за литр), сметана, творог, сыр, масло, маргарин и т.п., а слева, где должны быть мясо и рыба – пустой прилавок без продавца. Все равно продавать-то нечего! Так что мясо и птицу можно было купить только на рынке, но тогда это дорого стоило. Зато молоко мы покупали через день по три литра (в бидончик!), и с шести лет мне была доверена эта почетная обязанность. А основной продуктовый магазин «Урал» находится на Проспекте почти напротив кинотеатра, а хлебный – на Лермонтова около входа на рынок. А если в нем не было хлеба, приходилось топтать на Чапаева аж за Горсовет.

Ну, что ж, приблизительное представление о нашем городке вы получили, теперь пришло время рассказать о моей дворовой компании. Следует с удовлетворением отметить, что мы действительно кучковались в нашем дворе, а по соседнему только проходили: в магазин, детсад, школу, на огород и т. д.

Во дворы на другой стороне проспекта мы даже и не совались, а уж зайти на территорию «зеленовских» или «иковских» было равносильно самоубийству.

Хотя, как я уже упоминал, особой территориальной вражды у нас не существовало. Зато активно процветало попрошайничество, или уж не знаю, как это называлось. Но стоило лишь выйти на улицу, как обязательно подваливала компания и начинала «стрелять» мелочь. То ли денег на мороженое не хватало, то ли в этом был какой-то особый понт – не знаю. Но лично я, со своим детским щекастым лицом, маленьким ростом и толстеньким тельцем, постоянно становился объектом подобных нападков. Денег я, конечно, никогда не давал, рискуя нарваться на затрещину – но это было дело принципа, тем более что сам я не «стрелял».

Жил я в первом подъезде на третьем этаже, а на первом в первой квартире жил мой лучший друг и одноклассник Колька Костенко. На три года был младше его брат Сережка, но он всегда тусовался с нами, тот еще хулиган. И я, когда шел гулять, обязательно заходил за ними, зная, что они дома – ведь если бы они вышли раньше, то обязательно не поленились бы подняться за мной – так уж у нас было принято. Также вместе с нами проводили время Ильдус, Димон и Сырчик, за которыми специально мы не заходили. Хотя из моего дошкольного периода я отчетливо помню только Кольку с Сережкой, остальные проявились гораздо позже. Кроме них,

у меня появились как бы «отдельные друзья детства», т.е. они общались со мной, а между собой – нет, хоть и знали друг друга. Первый – Рустик Мухаммедшин, который жил на четвертом этаже и ходил со мной в одну садовскую группу. Позднее он переехал в дом, где находится «Молочный», и он был первый, к кому я ходил не с целью вытащить на улицу, а просто в гости – посидеть, погутарить. Вторым, принимающим меня как гостя, был Серега Герасимов, живший в соседнем дворе. Его матушка дружила с бабой Ирой, ну и мы познакомились и подружились. Но вместе мы почти никогда не гуляли. Третий – Борис Ширяев, тоже одноклассник, а позднее одноклассник. К слову сказать, и Колька с Сережкой, и Рустик, и Серега учились во второй школе, а я – в пятнадцатой. Видимо, это стало семейной традицией: отдавать детей в 15-ю, ибо директор школы жил в соседнем доме и был хорошим другом всей нашей семьи, да и со всеми учителями баба Ира была знакома. Итак, в саду была своя компания, в школе – другая, а во дворе – третья. Все свободное время мы проводили во дворе, играли в обычные детские игры, зимой с бабой Ирой мы ходили «на поляну» кататься на лыжах, но подробностей я не помню, да, собственно, тот период моей жизни еще не считается тем Золотым Детством, о котором я собираюсь рассказать в своей правдивой повести.

Воспоминание. Батюшка, каждое лето приезжавший из Мали в отпуск, рассказывал много интересного о своей тамошней жизни, но мне больше всего запал в душу рассказ об обезьянке Люлю, жившей у них на вилле. И так мне захотелось эту обезьянку, так я упрашивал Батюшку привезти ее с собой! Он и пообещал, чтоб я отвязался. И вот я, захлебываясь от восторга, прожужжал всем уши в детском саду о том, что скоро вернутся мои родители и привезут живую обезьяну. И все мне завидовали черной завистью, а я ходил и гордился. И вот предки возвратились – и, конечно же, никого не привезли. Батюшка объяснил это тем, что в нашем климате Люлю просто не выживет. Моему горю не было предела! Однако я быстро утешился после того, как Батюшка решил придти к нам в сад и показать любительский фильм об Африке, который он снял на кинокамеру – и у меня опять появился повод задрать нос перед одноклассниками. Но без приколов не обошлось. Как сейчас помню тот день, я всем развонил, что вечером придет Батюшка с проектором и пленкой, а днем меня потянуло на подвиги – возбуждился, видимо. К фасаду нашего детсада примыкал довольно высокий стилобат с площадкой, обнесенной перилами, и в эти перила в углу была вмурована труба для стока дождевой воды. И вот мне что-то стукнуло в голову, я забрался на площадку – и решил пописать в трубу! За коим занятием меня и засекала воспиталка – а тут как раз Батюшка идет! Вот это был кадр! Понятное дело, меня наказали, и в то время, когда весь детсад смотрел кино, я стоял в углу. Ну и домашний нагоняй от Батюшки мне был обеспечен. Вот такая фенька приключилась.

3-бис

Как я уже упоминал, мне было пять лет, когда мои родители вернулись домой – и сразу же подали документы на развод, ибо жить с таким человеком как мой Батюшка – пытка та еще; я в полной мере испытал это на своей собственной шкуре, но об этом позже. Не буду вдаваться в подробности, я все это помню крайне смутно: нервотрепки, слезы, ссоры, бесконечные уговоры со стороны Матушки, увещевания со стороны бабушек, жесткие выпады Батюшки – все это тянулось бесконечно; Матушка успела выйти замуж, Батюшка поступил в аспирантуру и писал диссертацию, живя то в Москве, то в Геленджике, периодически наезжая в Октябрьский; я уже пошел в первый класс, когда наконец суд вынес постановление в пользу Матушки. Но... закон требовал для галочки спросить мне-ние ребенка, т.е. мое. И вот в один отнюдь не прекрасный день в нашей квартире собрались все: Матушка с мужем, Батюшка, Баба Ира и Баба Лида, моя учительница и представители суда. И меня спросили: «С кем ты хочешь жить?». А что я мог ответить? Я ведь своих родителей толком и не знал, семь лет прожил с бабушками, привык к ним, к своим друзьям, своему двору, и никуда уезжать мне не хотелось – и естественно, что я с трудом выдавил из себя: «Хочу жить с Бабой Ирой». А значит – не с Матушкой, и ушла она

в слезах несолоно хлебавши. И хоть мне ее было очень жалко, и у нее в гостях я чувствовал себя очень хорошо – пересилить себя я не смог. И это была моя фатальная ошибка, как вы поймете позднее.¹

1. Не 5, а 6 лет, у него действительно в голове всё перемешалось, он перепутал все события и даты, не знает даже, что его матушка после развода сразу вышла замуж за моего друга в Москве и целый год у неё продолжались московские гастроли, я же в то время жил свободной жизнью в Геленджике перед поступлением в аспирантуру, практически прилетая к родителям и сыну каждый месяц на неделю по маршруту Краснодар -Уфа, а Саня Громов подавал мне в Уфе к трапу мой автомобиль, и мы катили в Октябрьский. Через год мамаша после второго развода явилась из Москвы в Октябрьский в моё отсутствие и дальше началось то, о чём я даже не хочу говорить – нельзя ребёнку знать такое о своей матери.

А теперь я хочу рассказать о человеке, сыгравшем в моей судьбе роль не меньшую, чем бабушки и Батюшка. Как вы уже догадались, речь пойдет о новом матушкином муже, которого звали Миша, но я его всегда называл Главным, потому что он действительно был главным во всем, и мы с Матушкой всегда говорили: Как Главный скажет, так и будет. Человеком он был замечательным, полная противоположность Батюшке, живущий по принципу «Все отдал – богаче стал», отлично общался и ладил с детьми, постоянно шутил и разыгрывал кого-нибудь и никогда никому не навязывал свою волю. Родился он в Минске, там же окончил школу и физкультурный институт, был мастером спорта по плаванию и «надеждой Белоруссии» в этом виде спорта; но после армии (а служил он в десанте) у него появилась мечта-идея: объехать всю страну от Минска до Сахалина. И он двинулся на восток, добрался до Октябрьского (его пригласил туда его армейский друг Борташевич) – да там и зацепился. Еще бы: его сразу взяли тренером юношеской сборной, нападающим в местную ватерпольную команду и выделили двухкомнатную квартиру, правда, на окраине, почти возле Котлована.

Самое смешное, что Батюшка сразу же познакомился с Мишей и почти подружился (Батюшка вообще знал всех и вся, постоянно плавал в Бассейне, а главный акробат города дядя Саша Громов был его лучшим приятелем), и именно он, судя по его рассказам, помог выбить эту квартиру, потому что главная архитекторша Октябрьского была, естественно, с ним в прекрасных отношениях.¹

1. Не почти, а крепко подружились. Львёнок не жил с отчимом, как я, а лишь ходил и ездил в гости, а это совсем другое дело, хотя Михаил хороший мужик и дружили мы с ним целый год, пока она не появилась из Москвы и Миша потерял голову. Главн. Арх. города Инесса была тогда моей гёрлфренд.

Возможно, впоследствии Главный двинулся бы дальше, но... встретил Матушку, и не успел я оглянуться, как они поженились – и именно в ту квартиру я ходил к ним в гости на Уикенд. Кстати, Миша был младше Матушки на шесть лет, но разница в возрасте им нисколько не мешала, а еще он хорошо пел под гитару, и в будущем он стал моим первым музыкально-вокальным учителем. И плавать он меня научил, хотя первые уроки мне преподавал Батюшка.

Воспоминание. Мы вместе с Матушкой пришли в Бассейн смотреть матч между местной и приезжей командами, и сидим не на трибуне, а как «свои люди» внизу, у самого бортика, на скамеечке. Ватерполисты, как положено, выстроились в линию у ворот, справа от нас Миша – в самом центре, судья свистит и бросает мяч в воду, пловцы срываются с места и плывут что есть силы – но Главный всегда на какую-то долю секунды опережает соперников, первый забирает мяч и отдает пас своим. И никто никогда не мог его опередить. И вот в очередной раз он забирает мяч – и сразу бросает его в ворота через полбассейна! И забивает гол – растерявшийся вратарь даже рот не успел открыть! Вот это был финт! Я так восхитился, что заорал и забил в ладоши, подпрыгнул на скамейке и со всего размаху саданулся затылком о кафельную

плитку, покрывавшую стену. Ох, и больно же было, слезы навернулись на глаза – но я сжал зубы и терпел, а игра продолжалась, и наши как всегда выигрывали.

Конечно, были у Главного и свои недостатки. Например, он с трудом сходилась с незнакомыми людьми, а уж если кто нравился – то сразу и на всю жизнь. Поэтому и друзей у него было немного, да и те почти все со временем подрастерялись. На работе он ни с кем близких отношений не поддерживал, и сколько общительная Матушка не приводила в гости своих подруг и не таскала его к ним на Дни Рождения – так они и остались «за бортом». И если кто-то из бывших знакомых звонил, то Матушка брала трубку, а Миша заявлял: «Я таких не знаю!» и сам никогда не звонил. Еще он пер-одически обижался на Матушку из-за всяких пустяков (как она считала), и при этом замыкался в себе на три-четыре дня, а иногда и на неделю, приходил с работы, ложился на диван, открывал книгу – и молчал. Просто молчал, не говорил ни слова, а Матушка суежилась вокруг него, хлопотала, подносила еду и т.д. Меня нет – так он сам это называл. Если в этот момент я к ним приезжал, то его поведение не менялось (хоть я, понятное дело, ничем не мог его обидеть), но если приходили гости – с ними он вел себя как обычно. И это, конечно, были весьма неприятные эпизоды. А в остальное время общаться с Мишей было одно удовольствие, и я в нем просто души не чаял. Он постоянно меня разыгрывал, шутил, придумывал разные игры; мы с ним рисовали, загадывали друг другу ребусы и писали стихи (как вам, к примеру, такие опусы: «Наш прославленный ковбой дрожит от щели за шкафом» или «А у Миши за щекой таракан нашел покой» или «Миша лопал колбасу, ковыряясь в носу»?), иногда я ездил с ним на рыбалку (он был заядлым рыболовом), в бассейн я приходил (в Октябрьском) и приезжал (позже, в Питере) почти каждый день – короче, веселились как могли.

А что же твой Батюшка, спросите вы, был, наверное, страшным монстром? Да нет, конечно, в любой компании он был лидером, своим в доску, балагурил и пел песни под гитару; легко шел на контакт, заводил новые (в основном, нужные) знакомства, упорно добивался поставленной цели; умел охмурить, повлиять, пустить пыль в глаза, доказать свою правоту (а он всегда считал себя правым) – но это только на людях, а в семье его подлинная натура периодически вылезала наружу.¹

1. Оказывается, он меня совсем не знает. Вовсе я не считаю, что всегда прав и свою неправоту признаю легко. Моя «подлинная натура» всегда и везде была одинакова – и в семье, и на людях, за что приходилось всю жизнь расплачиваться. Врагов было много, но друзей – на порядок больше. Нужных знакомств никогда не заводил, не знаю откуда Лев-мл. это взял, он ведь уже во взрослом состоянии был свидетелем того, какой бурлящий поток друзей постоянно был у нас в доме, не только московских, но и иногородних. Среди них никогда не было никаких «нужных» людей, только единомышленники. Впрочем, он имеет полное право на собственную интерпретацию.

Воспоминание Матушки. Мне было, наверное, лет 10-12, когда она рассказала мне эту историю. Как вы помните, поженившись, они продолжали учиться в МГУ и жили там же, и есть ходили в так называемую Студенческую столовую, что расположена на первом этаже в зоне Б (где они обитали). А напротив расположена еще одна небольшая столовая, которую все называли «закусочной», ибо первых блюд в ней не подавали, а на второе предлагалось «фирменное блюдо» – пельмени (со сметаной или с маслом по цене 34 и 31 коп. соответственно). А поскольку в Студенческой днем всегда выстраивались огромные очереди, то мои предки как-то зашли в Закусочную, взяли пельмени, то-се, а Батюшка, как язвенник, прихватил полстакана сметаны (была такая фишка, если вы помните). Сели они за столик, и Матушка, простая душа, взяла стакан со сметаной, да и плеснула немного в тарелку с пельменями (в те времена в пельмени сметану добавляли одну чайную ложечку) – ну чтобы вкуснее было. Пустяки, как говорится, дело житейское. Но надо было видеть реакцию Батюшки. Он весь окаменел, позеленел, почернел, покраснел, побелел – и не слова ни говоря, взял стакан и вылил остатки сметаны

Матушке в тарелку! После чего встал и ушел. Немая сцена, как у Гоголя. Вместе с ними за столиком сидела какая-то студентка, немного придя в себя, она сказала Матушке: Девушка, ради бога, только не выходите за него замуж! На что маманя обреченно ответила: Да я уже вышла.

Второе воспоминание Матушки. Эту историю ей поведала Баба Ира, с которой она и после развода продолжала общаться. Случился какой-то праздник, гости и вся семья собрались за столом, ну, сидят, едят, то-се – вдруг телефонный звонок. Баба Ира подходит к трубе, говорит, и по ее разговору понятно, что звонит какая-то ее подруга из другого города, и что завтра она приезжает и просит встретиться на ж/д вокзале в Туймазах. На что бабушка отвечает, что это само собой, Батюшка подьедет и встретит, нет проблем. Кладет трубку и возвращается за стол. Ну и начинает говорить, что завтра – короче, пересказывает разговор – но тут мой папаня каменеет и металлическим голосом заявляет, что он «не такси» и никого встречать даже и не подумает. Народ немного прибалдел, повисла немая пауза, и тут в тишине раздается спокойный голос Бабы Иры: И вот поэтому, товарищи, от него ушла жена... Батюшка вновь позеленел, покраснел и побелел, молча встал, отшвырнув стул, и ушел, хлопнув дверью.²

Событий, изложенных на этой странице в воспоминаниях мамы и львиной мамашаи, я не помню, сами факты вполне могли быть, но интерпретация фактов очень предвзятая, каждый видит события со своей колокольни. Кстати, она от меня не ушла, это я её отпустил, а потом, когда она через 2 недели запросилась обратно, как я и предсказал, то я её не принял, как и пообещал перед расставанием. Удивительно, что всё, о чём я её предупреждал в критические моменты нашей, а потом и её отдельной жизни, всегда, подчёркиваю, всегда сбывалось. Сам я, конечно, далеко не подарок, но моя бабушка Лида (я называл её «домашний Шерлок Холмс»), увидя нас впервые после свадьбы (приехали на медовый месяц), через неделю мне сказала: «Вряд ли у вас сладится, так как она любит себя больше, чем тебя, а ты любишь её больше, чем себя». Откуда она знала, что я понял уже через неделю после свадьбы – нам не жить вместе.

Кстати, насчет частного извоза у него всегда была принципиальная позиция, хотя после Африки он всю жизнь ездит на машине. Я сам был свидетелем того, как какой-то мужичонка просто умолял его подбросить на вокзал (это было в Москве, он опаздывал на поезд, а мы остановились в центре), но Батюшка металлическим голосом повторял как попугай: Я не такси, я не такси. Так и не взял. А чего бы, спрашивается, не помочь человеку, если по пути? Да и лишняя «трешка» не помешала бы. Нет – принцип. Однако, во времена гайдаровских реформ, когда деньги начали таять в воздухе, принципами пришлось поступиться: некоторое время он катался во Внуково, встречая и провожая людей. Вот такая фишка.¹

Принципами я не поступился, по-прежнему никогда никого не подвозил, но жизнь стала весьма трудной, нужно было где-то подрабатывать, университетской зарплаты катастрофически не хватало, поэтому нанялся в фирму, которая снабжала транспортом иностранцев, усыновлявших российских детей-инвалидов; маршрут: аэропорт – центр – аэропорт, платили долларами, так что моя семья не голодала, в том числе и Лев-младший. Работа была трудная, приходилось ездить и к ночным рейсам, но дело было благородное, потому что наше правительство разрешило усыновлять иностранцам только детей-инвалидов, которых наши граждане никогда не брали в семью из детских домов.

4

Ладно, о своих родителях, родственниках и друзьях я вкратце рассказал, можно возвращаться непосредственно к теме. А о чем я пишу? Правильно: о Розовом Детстве. Итак, в 67-м году я пошел в первый класс в 15-ю школу, а все мои друзья – во 2-ю. И только детсадовский друган Борис Ширяев попал в мой класс, но я как-то особо с ним не общался, как впрочем и с другими одноклассниками. Ибо все свободное время я проводил с нашей дворовой компанией. Хотя, повторюсь, кроме Кольки с Сережкой, из того периода я помню только Рустика да Колю Вершинина со второго этажа. Я думаю, наши игры не отличались оригинальностью:

мы играли в мини-футбол в беседке, гоняли на великах, прыгали по каркасам баскетбольных щитов, частенько ходили на Поляну, на Котлован, в кино на все фильмы подряд и т.д. и т.п. Пару раз я бил стекла в своем и соседнем доме, за что был нещадно порот; один раз разбил Кольке бровь камнем (опять попало), один раз меня цапнула собака – короче, воспоминания смутные и не занимающие центрального места в моем повествовании. Батюшка в это время писал диссертацию, живя то в Москве, то в Геленджике,² временами наезжая к нам, Матушка жила с Мишей в его квартире, куда я ходил каждый Уикенд – все шло своим чередом.

В Геленджике я уже не жил, а наезжал в гости к друзьям, потому что осенью 1967-го поступил в очную аспирантуру своего физического факультета и жил опять в общежитии Главного Здания МГУ.

Летом 68-го Батюшка отколол такую феньку: посадил в старый Москвич Бабу Иру, Антона, Машу и меня – и повез нас в Геленджик! Первую ночь провели в Казани у батюшкиного друга Ломоносова, вторую – в Москве (полагаю, что у тетки Натальи), а потом уже почти сутки пилили до места. А место Батюшка нарыл – обалдеешь. В те времена весь Геленджик располагался на Тонком Мысу, а на Толстом¹ находилась закрытая взлетная полоса и... больше ничего! Кроме дома батюшкиных друзей, в котором мы жили. Ну, прямо хуторок в степи! И больше никакого жилья и ни одного человека вокруг. До моря – 10 минут пешком. Правда, и берег там не подарок: скалы, острые камни и водоросли, пока в воду зайдешь – купаться расхочется. Зато никаких туристов и дикарей – красота! Так что лето я пробалдел. На обратном пути мы заезжали в Евпаторию и в Ростов-на-Дону,² но это я уже смутно помню.

Прошел год. И снова мы совершили такое же путешествие, только в меньшем составе. Накупались, едем назад, останавливаемся а Москве, Баба Ира уезжает на поезде домой,³ а мы поселяемся в Университете в батюшкиной комнате. Проходит день, два, август кончается, и тут я, наконец, спрашиваю: А когда же мы домой поедем? А Батюшка мне отвечает: А мы никуда не поедем, теперь ты будешь жить здесь, со мной. Вот это был удар!!! И это вполне в стиле Батюшки: ничего не сказал, не предупредил, не обсудил, все сам решил – и поставил перед фактом. И попробуй возразить! А что тут возразишь? То, что моя безоблачная жизнь, мои друзья и мои интересы остались там, в Октябрьском; что эта гнусная пыльная Москва меня несколько не интересует и на фиг не нужна? Так это он и сам прекрасно знал. И знал также, что я и слова не скажу, ибо с самого раннего детства он действовал на меня как удав на кролика. Что ж, такой характер и такое воспитание.

Ведь позже он сам не раз с удовольствием рассказывал в компаниях, как приехал в отпуск из Мали и обнаружил, что я в свои 2 с чем-то года не желаю ходить, а только быстро ползаю – и тогда он озверел и, как он выразился, «пинками» за неделю научил меня ходить. А лет в 5 он точно так же пинками посадил меня на двухколесный велосипед – это я уже сам помню. Видимо, те и многие другие пинки и затрешины глубоко засели в моем подсознании.

Наоборот: город на Толстом (восточном), а аэропорт на Тонком (западном), но это не суть важно.

Переправившись на пароме с Кавказа в Крым, мы провели неделю на пляже Коктебеля, затем три дня на территории заповедника Кара-Даг в Крымском Приморье, а потом двинули в Днепропетровск к Раисе (сестре Колечки Бойкова), с сыном которой Лёхой Лев-младший очень сдружился во время каникул в Геленджике.

В следующем году мы ездили без мамы втроём: он, я и липецкая кузина Алёна, она тогда заканчивала школу. Сначала поехали в Гагру в наш университетский спортивный лагерь «Джемете», но мне там не понравилось и мы вернулись в Геленджик, опять поселившись в доме родителей моего друга Колечки Бойкова. На обратном пути сначала заехали снова в Днепропетровск к Раисе, там у неё на химфаке Университета починили аккумулятор (мы замучи-

лись толкать автомобиль, чтобы заводить его), затем завезли Алёнку в Липецк и вернулись в Москву. Вот тогда я и объявил ему, что он остаётся со мной в общежитии МГУ.

Одного не могу понять до сих пор: почему Батюшка забрал меня именно после второго класса, когда еще сам не обустроился в Москве, а не через год, через два, через пять?¹ И ведь что примечательно: Матушка позже мне не раз рассказывала, что в течение му-торного бракоразводного процесса, он постоянно ей твердил: Да забирай ты его, он мне абсолютно не нужен.² Однако после решения суда он что-то не предлагал мне переехать к Матушке и Мише. И Баба Ира, которая в какой-то момент в его отсутствие дала слабину и поклялась Матушке, что отдаст меня ей после смерти Бабы Лиды, так и не отдала, просто из квартиры не выпустила – и все.³

Он не знал, что в конце того лета она собиралась тайно увезти его в Питер насовсем, поскольку уже договорилась об обмене квартиры на комнату в Питере с какими-то татарами – пенсионерами, решившими остаток жизни провести на родине. И уж совсем он забыл (к счастью для него) как она предприняла первую попытку увезти его в Уфу тоже по обмену жилья: это было в марте 1968-го, ещё не было никаких судов. Меня срочно вызвала бабушка Лида, которой об этих планах доложили доброжелатели. Я прилетел из Москвы и у нас единственный раз состоялось свидание втроём бывшей семьёй (она, я и Лев-мл.) с тех пор как я выставил её из родительского дома летом 1967-го, она тогда улетела отдыхать в Ялту, куда за ней рванул влюблённый Михаил, и вернулась оттуда уже в его квартиру. В первый и последний раз я при ней спросил Львёнка где он хочет жить – в нашей семье или с ней, объяснив ему, что она хочет увезти его насовсем. Он ответил, что в таком случае останется здесь, она ушла в слезах. На лестнице я предупредил её: «Не подавай в суд – опозоришься». Она подала в суд на следующий день. Всё получилось так, как я ей предсказывал. Но она не отступилась и предприняла вторую попытку, опять тайком. У меня не было выбора.

Не бракоразводного (она ведь уже была в третьем браке), а иска по отобранию ребёнка. И она ему жестоко наврала: я НИКОГДА ни разу ей такого не говорил, потому что тогда был убеждён – ему там с ней будет хуже, чем с нами (возможно, я ошибался, но уж очень было много красноречивых фактов). А врала она в это время всем напропалую без зазрения совести.

Мама к тому времени поняла, с кем она имеет дело, хотя её всю оставшуюся жизнь мучила совесть, что ребёнок не живёт с родной матерью.

Вот так я оказался в ненавистной Москве, и начался совсем другой период моего Детства, далеко не розовый. Жили мы так.

Для тех, кто никогда не бывал в здании на Воробьевых горах, хочу пояснить его устройство. Оно состоит из нескольких зон: в центре зона А, где расположены аудитории, кафедры, ректораты, библиотеки, «профессорская» столовая, холлы, лифты, лестницы, зоологический музей с 25 по 30-й этаж (выше – уже шпиль, куда доступ закрыт) и т.п.; а по бокам – зоны Б, В, Г, Д, Ж, З, Е и К, которые, собственно, и являются общагой. Четыре основные зоны представляют собой два длиннющих коридора в виде буквы Т, по бокам которых расположены блоки. Каждый блок имеет две комнаты с общей прихожей, душем и гардеробом. В конце коридоров кухни и выход на лестницу, на стыке – холл с лифтами, место вахтерши и небольшой зал высотой в два этажа, в котором стоит телеящик, несколько рядов кресел и пианино. Что ценно: на стойке у вахтерши стоял телефон, по которому не только ты, но и тебе могли позвонить: достаточно было набрать номер, сказать номер блока и количество звонков – и вахтерша добросовестно звонила, пока вызываемый абонент не приходил. К нам, например, был «один звонок», а к соседу Ломоносову – два.⁴ Удобно, верно?

Соседом был не Ломоносов (он жил в блоке напротив), а молдаванин Миша Москалу из Тирасполя.

Жили мы в Зоне Б на седьмом этаже в блоке 707 с видом на парк со стадионом и теннисными кортами, м. «Университет», строящийся новый цирк и расположенный по обе стороны Ломоносовского проспекта квартал так называемых «домов преподавателя». В нашей восьмиметровой комнате помещались только полуторная тахта (поперек под окном) и секретер с откидным бюро вдоль одной стены. А вдоль другой вечером Батюшка раскладывал толстые подушки с той же тахты, и на них я спал. Вот такая началась веселая жизнь. К тому же, оказавшись вырванным из-под плотной опеки бабушек – клушек, мне пришлось привыкать к самостоятельности. Ведь моя новая школа находилась в глубине квартала домов преподавателя, и мне приходилось проезжать на автобусе три остановки до метро, а потом еще пешком топать. В том же районе приютился детский клуб, куда я ездил заниматься музыкой и живописью – только на одну остановку дальше. По странному совпадению, этим же летом Матушка и Миша решили уехать из Октябрьского,¹ и после долгих ухищрений они сумели обменять свою двухкомнатную квартиру на комнату в коммуналке. Но в Питере. Куда и переехали в сентябре. И в первые же каникулы Батюшка показал мне, где вокзал, где кассы, где перрон, посадил в вагон – и вперед!² Дальше я сам покупал билеты и ездил, и в Питер и в Октябрьский. Матушка с Мишей поначалу меня встречали – провожали, а потом перестали. Так я стал самостоятельным.

Какое там совпадение? Это было исполнение задуманного плана, ибо она понимала, что хотя умыкание сына не состоялось, но Питер – не Октябрьский: и ближе и привлекательнее, можно уговорить к переезду, она же знала, что я обязательно буду отправлять его к ней на каникулы, потому что видела – в отличие от неё, я не собираюсь лишать его родной матери.

Естественно, хотя, я точно знал, что в Питере начнётся моральная обработка, уговоры к переезду, но я видел, как быстро он привык к ГЗ и был уверен, что ему не захочется сразу опять менять резко свою жизнь.

Мой день проходил примерно так. В 7-30 Батюшка просыпался (я будильника в упор не слышал), расталкивал меня и снова укладывался. Я вставал, умывался, одевался, спускался на первый этаж, заходил в буфет при студенческой столовой (там народу было меньше), легко и быстро завтракал, садился на бас и ехал в школу. После уроков – обратно, и если папаня был дома, то мы вместе шли обедать, а если его не было, то я это делал один. Затем я гулял, а ровно в четыре садился за уроки. Ну а потом опять ехал на занятия. Вечером играл с друзьями, читал, учил устные уроки – а ровно в девять Батюшка меня укладывал спать. Ну и по каким-то дням я играл на пианино, а в бассейн ходил по субботам, благо он находился в подвале самого здания. И это – единственное, что я делал с удовольствием.

Тут внимательный читатель, вероятно, должен спросить: а что означают фразы «ровно в четыре» и «ровно в девять»? Ты что, в интернате жил? Э-э-э-э-э, в этом то все и дело, это как раз начинаются те нюансы под названием «прелести жизни с Батюшкой». Дело в том, что батяня мой всю жизнь считал, что главное – это режим. Хотя сам никакого режима не соблюдал, ложился под утро, вставал в полдень, ибо был «совой». Но ведь и я именно с третьего класса почувствовал, что я тоже «сова», но Батюшку это абсолютно не волновало. И с поразительным упорством он укладывал меня спать в девять часов (а попро-бывал бы я придти домой хоть на пять минут позже – был бы жуткий скандал), а сам про-должал работать – и страшно злился, если замечал, что я долго засыпаю. А как я мог заснуть сразу, да еще при свете? К счастью, вскоре ему самому это надоело, и он стал уходить и гасить свет, и я мог спокойно полежать и подумать о смысле жизни.³

Бедный Львёнок! Можно подумать, что не жизнь, а каторга. Но я, конечно, осознавал все опасности самостоятельности и отсутствие полноценной домашней обстановки, а ведь известно, что лучшее противодействие разгильдяйству – режим и загрузка по полной, чтобы дышать не успевал. Кстати, университетская жизнь ему очень нравилась, компания была у

него интернациональная и весёлая, он потом говорил мне, что было весело, но с годами ему, видимо, больше вспоминаются обиды.

Еще одна дурацкая теория Батюшки: «отдых мозгов после уроков». Это объясняет мои прогулки после обеда. А с кем гулять-то? Мои друзья, как все нормальные ученики, в это время делали уроки, а потом выходили. А мне к четверем надо было идти домой! Как штык! Один раз я, помнится, заигрался и задержался примерно минут на двадцать – так Батюшка так озверел, что я еще три дня ходил в ступоре.

Далее. Едва мы обосновались в Москве, как неугомонный папаня тут же запихнул меня в два кружка: на музыку и живопись. Опять же не спрашивая моего согласия. Не могу отрицать, что музыкой я интересовался, слушал современные песни, с удовольствием сам что-то пел, брэнчал на гитаре, шлепал по клавишам пианино, заходя к соседке на втором этаже, но научиться играть профессионально – такого желания не возникало никогда. Конечно, я не возражал, в детстве все попробовать хочется, и поначалу это казалось интересной игрой, через полгода стало надоедать, а через год я полез на стенку! Но сказать об этом Батюшке? Пойти против его воли? Ну, сами понимаете... И все-таки, забегая вперед, скажу, что «борьбу с пианино» в итоге я выиграл, единственный раз в жизни пойдя против Батюшки. Дело в том, что на третьем году обучения нас начали мучить гаммами и ввели дополнительные занятия по сольфеджио – и тут я настолько ошизел, что гигантским усилием воли переборол свою кроличью трусость и выложил все карты на стол. Как ни странно, Батюшка меня понял и не стал особо возражать, и с пианино было покончено. Но сколько нервов и крови было попорчено за эти три года – знает только моя язва.¹

1. А моя язва не знает? У меня-то дело кончилось сначала кровотечением, а потом, в результате через двадцать лет операцией. И не хотел я, чтобы он играл профессионально, а чтобы постиг начала музыки, для чего нужно не брэнчать на гитаре, а позаниматься фортепьяно. Он ведь потом осознал, что это было на пользу. Кстати, я его понял не только в тот раз, но и много раз потом и не настаивал ради тупого принципа.

С живописью дело обстояло немного иначе. Рисовать я действительно умею (точнее, срисовывать чужие картинки, что мне особо нравилось), занимался этим с раннего детства – но рисовать *карандашом*, а не красками. А краски я всегда ненавидел. Но разве объяснишь это Батюшке? Любишь рисовать? Умеешь? В кружок – вперед, учись! И целый год меня колбасило от бесконечных натюрмортов, пока не пришли новые ученики, а мы – нас было всего двое: я и Надя Столповская – не попали в привилегированную старшую группу. Тут наша учительница предоставила нам полную свободу действий, сама занималась с «младшими», а мы вдвоем сидели в отдельной комнате и занимались всем, чем угодно, но только не живописью: то лепили папье-маше, то делали коллаж, то плакаты, то просто болтали, а то читали на два голоса пьесы Шварца. Короче, за последние три года ни одного гнусного натюрморта я не написал, что радует. И когда мне пришлось не по своей воле прекратить эти занятия (почему, я объясню позже) – это было единственное, о чем я пожалел.²

2. Вот и ответ на вопрос «зачем»? Метод тыка: что-то не понравилось, а что-то понравилось, иначе гонял бы хвост трубой без интереса.

С бассейном было проще. По гороскопу я – крыса и рыба, люблю воду, люблю плавать, в Октябрьском ходил в бассейн постоянно, в Питере почти каждый день плавал в Мишином бассейне (он устроился тренером), поэтому на занятия я ходил с удовольствием. Но... не напрягался, за рекордами не рвался, и когда года через два ребром встал вопрос: либо переходить в спортивную секцию (а это шесть тренировок в неделю), либо бросать, то ответ я выбрал однозначный. И с легкостью бросил. И об этом ничуть не жалею.³

3. И я не жалею. Я отдал его своему тренеру для общего развития, а когда она сообщила мне, что пора переходить на профессиональные тренировки, то спросил его и мы оба вместе

решили, что не стоит уродоваться, лучше остаться физкультурником и плавать в своё удовольствие.

5

Мои новые друзья: мексиканец Бенито, Серега Тропин и араб Алик. Вообще-то у Бенито, как у всякого мексиканца, было штук 15 имен, но мы называли его просто, а он скромно представлялся как Веня. Жил он в соседнем 709-м номере и был на год меня младше. Серега был старше на год и жил в другой зоне на 17-м этаже вместе с младшим братом Лехой, там же на 14-м жил Алик. По-моему, он тоже был помладше на год-два. Но учились они не в моей школе. Вот и вся наша компания. Естественно, в классе появились свои приятели, но не более того, вне школы мы не общались, что и понятно. Ну а мы проводили время как обычно: футбол, хоккей, прятки, салки, беганье по лестницам, катание на лифте, посиделки на балконе 30-го этажа в Зоне А (вот это был вид), ну и мелкие шалости. Однако, один раз мы так «пошалили», что мало не показалось. Идея принадлежала Сереге. Дело в том, что на всех дверях нашей общаги, ведущих на лестницы и в залы с телевизором, были ручки с навинчивающимся металлическим набалдашником. И Серега предложил эти ручки «навинтить». В смысле, открутить. Я воодушевился, Беню мы привлекать не стали, и в течение недели отвертели все ручки в двух зонах. Добычу мы складывали в картонную коробку и прятали у Сереги на этаже в маленькой каморке для швабр и ведер, таких было несколько на каждом этаже, и они не запирались. Но вдруг Серега сказал, что у него хранить стало опасно, и мы перетащили коробку на мой этаж, стали ее прятать – а тут Батюшка из блока выходит! Это что такое, спрашивает. Ну, нам признаться боязно, мы и давай заливать, дескать, это не наше, это мы тут нашли и т.д. Батюшка хмыкнул, пробурчал: Ну-ну, и ушел. Нам бы, дуракам, тут же все перепрятать, но мы решили, что пронесло. Ан нет. Буквально на следующее утро вошедшая уборщица разбудила нас сообщением, что нашла наше сокровище, с твердым убеждением, что это моих рук дело. Верно, а кому еще? И тут Батюшка разозлился по настоящему (впрочем, он всегда злился всерьез, в том-то и была его беда), и получил я такую затрещину, что чуть не скovyрнулся с подушек. Как тут же выяснилось, злился он не потому, что я ручки отвинтил (подумаешь, дело житейское), а потому, что я его обманул. Ибо он всегда говорил: Главное в отношениях – это доверие. А там, где обман – там доверия нет. А нет доверия – хорошего отношения не жди. Эх, Батюшка, знал бы он, сколько раз в жизни я его обманывал или говорил полуправду, или часть правды, или что-то утаивал и умалчивал! И я был вынужден это делать, даже преодолевая страх перед случайным разоблачением, учитывая его предсказуемую реакцию на некоторые вещи и не желая превращать свою жизнь в постоянный кошмар. Правда, позже он утверждал, что он все всегда про меня знал, а не знал, так догадывался, но молчал – но я-то лучше знаю. Кое о чем он условно догадывался, но не знал наверняка, так как за руку не ловил, а если в чем-то ловил, то уж не молчал, этого он не умеет.¹

1. Молчал, молчал. Всегда всё знал, только часто виду не подавал, Лев-младший не очень-то умел врать, кроме того, у меня был один секрет узнать говорит он правду или нет, но я этот секрет никогда никому не выдам.

Серега, пришедший в этот же день ко мне, тоже получил свой пинок под зад, и побрели мы со скорбным видом эти ручки привинчивать на место. Это уже было не так весело. А один раз Алик пострадал за то же самое: за вранье. Зашел я как-то к нему, а тут его батюшка и говорит: Сходите в магазин и купите 100 г масла. И дает мелочь, только-только. А магазин был на первом этаже в зоне В. Ну, идем. Тут Алик и выдал «гениальную» идею: А давай, говорит, купим не 100, а 50 г масла, а на сдачу лимонада тяпнем! А надо отметить, что в те времена лимонад стоил недешево, и разрешалось нам его пить только по праздникам и Дням Рождения, в остальные дни перебивались газировкой за три копейки. Ну, мне-то что, отвечать не мне, лимонаду принять я всегда готов, давай, говорю. Так и сделали. Возвращаемся, но батюшка-то

не лопух, сразу видит, что его в два раза меньше, и он начинает Алика пытать. Но Алик уперся: 100 да 100, после чего его папаша нахмурился, загнал его в комнату видимо для экзекуции, а меня выпроводил. Так что, ребята, нужно четко представлять себе ситуацию, в которой можно соврать, а в которой нельзя.

Кино у нас крутили по уикендам в огромнейшей аудитории 01 на первом этаже в секции Дома Культуры. Народу всегда хватало на любой фильм – а что еще делать по вечерам? Ну и мы не пропускали ни одного сеанса, тем более что по дороге в центральном холле стоял ларек с мороженым, и можно было попросить у родителей денег не только на кино. А мороженое нам тогда казалось просто сказочным, хотя это был обычный пломбир в вафельном стаканчике за 19 копеек, украшенный кремовой розочкой. Но два раза на моей памяти на сеансе был просто лом. В первый раз крутили «Белое солнце пустыни», во второй – диснеевские мультики. Народ стоял во всех проходах, чуть ли не на головах друг у друга, и каким-то чудом Батюшка ввинтился в эту толпу, а меня перекинул через спинки кресел какому-то знакомому на колени. После сеанса выяснилось, что несколько рядов кресел вырваны из пола «с мясом».

Так мы и жили. Ели мы обычно или в Студенческой, или в Закусочной, но иногда «шиковали» и ходили в Профессорскую, где нас обслуживала знакомая официантка, которая хорошо знала Батюшку и почему-то очень любила меня. А я любил хорошо и много поесть, этого не отнимешь.

Воспоминание Батюшки. Сколько мне было лет, точно не знаю, но это было еще до отъезда родичей в Мали. Мы все вместе приходим в Закусочную, меня сажают за столик, а сами становятся в очередь. Через некоторое время ко мне подсаживается негр с полным подносом еды. Вскоре подходят родители и наблюдают такую картину: я сосредоточенно уплетаю чужую еду, а бедный негр стоит рядом и не знает, что делать! И я уже доедаю все, что было, целый обед. Ну, понятно, тут суматоха, они извиняются, пытаются заплатить, но негр говорит, что вы, что вы, пусть ест, денег не взял и ушел – а я потом и свою порцию слупарил! Так что прокормить меня было сложно.

За год университетской жизни Батюшка ухитрился найти себе невесту, студентку того же МГУ, на 12 лет моложе и дочь весьма обеспеченных родителей. Как ему это удалось – одна из серий фильма «Таланты моего Батюшки». Представьте себе такую картину: ваша 20-тилетняя дочь, студентка-отличница, воспитанная в строгости и скромности, приводит в дом взрослого мужчину из общаги, прописанного в каком-то Октябрьском, пусть кандидата наук и младшего научного сотрудника со средней зарплатой – но еще и с довеском в виде 10-тилетнего оболтуса! Однако факт есть факт: они поженились, и мы переехали в роскошную четырехкомнатную квартиру в ЦКовском доме недалеко от метро «Кунцевская».¹

Не буду перечислять всех достоинств Оли – так звали новую жену, которую в роли «злой мачехи» я даже представить себе не мог – ибо она обладала самым главным достоинством: уживаться с Батюшкой (они вместе по сей день) и ухитряться гасить его нервно-гневные вспышки. Чем не раз и меня уводила из-под удара.

1. Кто ищет, тот всегда найдёт! Я точно знал кто НАМ нужен. Сам Львёнок повторил мой путь с замечательной своей женой Светочкой. И дело не в обеспеченности родителей (я свою жизнь сделал сам), а в том, что они были прекрасные люди, такие же, как мои бабушки и мама. Прописан же я был в общежитии МГУ на время учёбы. Кстати, предложение Оле делал сам Львёнок, она пришла к нам в комнату в гости, а он и говорит: «Оль, ты выйдешь за нас замуж?» Она ответила: «Выйду, если ты не против». Вот так.

Однако, квартира квартирой, а семья у нас была не маленькая. Мы трое, Олины родители Дядя Боря и Тетя Юлия, Олина бабушка (далее – Бабка) и ее брат Володя. Но это только до поры. Обосновались мы так. В большой комнате – молодожены, в спальне – родители, в одной маленькой – Бабка, в другой – мы с Володей. Все бы хорошо, да где-то через год Володя не придумал ничего лучшего, как жениться и привел в дом жену Людмилу, обладавшую весьма

ехидным характером и жесткой бытовой хваткой, и поэтому у них с Батюшкой сразу началась скрытая вражда. Естественно, меня переместили в гостиную на раскладной диван, через некоторое время родилась моя сестрица Алька (этот ор по ночам я никогда не забуду!), а еще чуть позже – кузен Димка. Вот такая семейка получилась. Несмотря ни на что, Дядя Боря и Тетя Юля продолжали нести свой крест, напряженно работали, юные мамы сидели с детьми, Батюшка возвращался с работы как можно позже (чему я несказанно радовался), а Бабка продолжала всех терроризировать.

Ох, уж эта Бабка! Ей уже тогда было лет под 90, но она была удивительно энергична, живуча и вредна. Она весь дом держала в ежовых рукавицах – просто Генералиссимус какой-то! Самой главной фишкой ее была такая: раз в полчаса она проходила по квартире и заглядывала во все комнаты, просто так, с проверкой. И попробуй запереть дверь – сразу скандал. И все это терпели. Поскольку днем она сидела дома и кормила меня обедом по возвращении из школы, то больше всех с ней цапался я. Чуть что не так – и она норовила треснуть меня по башке своей костлявой рукой. Один раз в руке оказалась мясорубка, я чудом увернулся. Ну и Батюшка ее терпеть не мог и ругался периодически.

Но бывали в нашей жизни и маленькие праздники. Это случалось в каждое воскресенье, традиция была такая. Дядя Боря и Тетя Юля вскакивали в 6 (!) часов, шли на кухню и начинали активную готовку, у них было два фирменных блюда: блины и пироги, пекли по очереди. Часов в 11 устраивался общий подъем, вся семья усаживалась за большим кухонным столом, ставился электросамовар, блюда с едой, и начиналась трапеза. Ох уж я оттягивался, однажды слопал 15 блинов, специально подсчитал. Иногда случались такие же совместные ужины, тогда на всех варилась одна большая курица, которая делилась так: детям – ножки, женам – крылышки и т.п., а Батюшке всегда доставалась шея. Он радостно потирал ладони, широко улыбался и причитал: О как я люблю шею, как я обожаю шею! Позже, когда мы уже жили отдельно, если нам случалось готовить куренка, он брал себе самый большой кусок грудки и ворчал: Как я ненавижу эту шею! Но в целом мы жили неплохо, дефицитные продукты приносились из ЦКовского распределителя и министерского буфета, в холле стояли полки с кучей книг, и я читал запоем, стол для уроков у меня был свой, и уроки я учил уже по своему методу, сразу после обеда, благо Батюшка не мог проследить.¹

1. В общем, картина жизни описана верно и с юмором. Комментарии сведутся вот к чему: он, конечно, не знал, что я не собирался жить с Олиными родителями, а хотел найти съёмную квартиру. Мы с Олей ещё перед свадьбой истратили много времени на поиски, и, к несчастью, ничего удовлетворяющего нас не нашли. Но родители так перепугались, что любимая дочка ускользнёт из дома, что уговорили нас не отделяться, а дядя Боря пошёл в хозотдел ЦК КПСС и подал заявление на расширение жилплощади в связи с увеличением семьи. И пока мы с Олей и Львёнком, мамой и моей сестрой Машей ездили в свадебное путешествие на малую родину в Рыбинск к моему другу детства Кириллу Градусову, который был свидетелем на свадьбе, Олины родители переехали из трёхкомнатной квартиры на Кутузовском проспекте в новую четырёхкомнатную у метро Кунцевская (Царское Село, как говорили в народе). Через месяц я подал заявление на кооператив, квартира была готова через год в 1971 году, но заселились мы туда только в 1977 после возвращения из заграницы, а Лев-мл. уже жил там с Машей с августа 1975, потому что я решил «хватит ему Октябрьского», тем более что подошло время получать паспорт и надо было иметь документ по месту рождения в Москве, чтобы застолбить прописку. Тут как раз Маша отработала 3 года как молодой специалист в Петрозаводске и хотела оттуда уехать. Вот мы их и заселили, а потом с помощью дяди Бори нашли ей работу в г. Видное Московской обл. и там ей дали комнату в двухкомнатной квартире с бабкой соседкой в придачу.

Только суббота была для меня иногда, как бы сказать, немного омрачена. Во-первых, дома был Батюшка. Если в школе все было нормально, то я особо не переживал, но если я

получал очередную «глупую» двойку (а я получал только глупые двойки – за невнимательность, за выкрики с места, за разговоры и т.п.), то брел домой как на Голгофу, а приходя, сразу прятался туалете и сидел там до опупения, зная непредсказуемость реакции Батюшки. Он мог и посмеяться, а мог и садануть креслом об пол в порыве злости. Во-вторых, сразу после обеда Тетя Юля вручала мне огромный список и я шел в магазин покупать продукты, в основном, овощи. А так как касс тогда не было, и продавцы сами продавали и получали деньги, а магазин был один на весь район, и была суббота – то очереди были гигантские, и я от этого просто шизел. Правда, потом я мог идти гулять с чистой совестью.

6

Новая школа и новые друзья. Следует с удовлетворением отметить, что к 70-му году в нашем районе были построены только 3 или 4 башни и детский сад, остальные про-должали строиться. «Своей» школы не было, и нам приходилось ходить в обыкновенную рабоче-крестьянскую школу почти к метро «Пионерская» через стройку и вечную грязь, что составляло минут 15. В отдельно стоящей башне жил я один, остальные друзья и одноклассники обитали в центральной сдвоенной башне. А именно: Костя Новиков, Сергей Мушкатеров, Сергей Сербучев (мой класс), Миша Дмитриев, Жека Калинин, Андрей Эвераус, Миша Кульшев (параллельный класс) и Витя Краснов (на класс младше). И только Марфа (это прозвище такое, а имени не помню) жил в третьей башне, но мы и общались с ним меньше. Я как-то сразу сдружился с Костей, мы сели за одну парту, в школу и обратно ходили вместе (обычно я подждал его у подъезда, а если он выходил немного раньше, то заходил за мной, хотя мне было по пути, а ему – нет); перед тем как идти гулять, всегда созванивались и регулярно ходили друг к другу в гости. Чуть позже к нам примкнул Мушкатер (или просто Муха), который, кстати, жил прямо над Костей, что создавало им дополнительный повод для общения. Обычно мы так втроем и кучковались, близок по духу был и часто примыкал к нам Дмитриев, остальные присоединялись только при массовых играх в футбол или снежки. Самым любимым для нас развлечением было прыганье с качелей. Качели на нашей площадке были классные: высокие, широкие, без спинки и без ступора (т.е. на них можно было крутить «солнышко»), а площадка была песчаная. Вот мы и соревновались часами, кто дальше прыгнет. Великов не было ни у кого, зато были самострелы, и мы с удовольствием стреляли по воробьям. Так и шло время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.